

Зеркало
Мая

ВАЛЕНТИНА ТАЛЫЗИНА

Мне многим
пришлось
пожертвовать
ради *моей*
профессии.
И каждый раз
я выбирала
именно ее.

Картина «Иванов
катер» перевернула
 всю мою жизнь.
Я стала другим
человеком.

Фаина Раневская
говорила:
«Талызина умест
играть и героинь,
и характерные роли».

Однажды Павел
Хомский решил
ставить «Мамашу
Кураж».

Мои пригорки, ручейки

Валентина Илларионовна Талызина
Мои пригорки, ручейки.
Воспоминания актрисы
Серия «Зеркало памяти»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8917027

Мои пригорки, ручейки. Воспоминания актрисы: АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-121283-4

Аннотация

Талызина не просто талантливая актриса, она талантливый человек: яркий, честный и очень принципиальный. Её жизнь похожа на гоголевский смех сквозь слёзы. В ней было много потерь и много побед. Талызина неисчерпаема. И было ясно: она должна написать книгу, потому что ей есть о чём рассказать. Она сделала это честно, талантливо и беспощадно. Талызина – актриса. И этим все сказано.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Мои пригорки, ручейки. Воспоминания актрисы

5

Конец ознакомительного фрагмента.

44

**Валентина
Илларионовна Талызина
Мои пригорки, ручейки.
Воспоминания актрисы**

*Посвящаю эту книгу моей матери – Анастасии
Трифоновне Талызиной*

© В.И. Талызина, 2021

© ФГУП МИА «Россия сегодня»

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Мои пригорки, ручейки. Воспоминания актрисы

*Воспоминания – это волшебные одежды,
которые от употребления не изнашиваются.
Роберт Стивенсон. Остров сокровищ*

Воспоминания действительно волшебные, прав Стивенсон! Потому что в них оживают люди, которых уже нет. Словно наяву я вижу их лица, слышу их голоса. И происходит чудо: останавливается время, ушедшее навсегда.

Эта книга – путешествие по островам памяти, населённым моими воспоминаниями.

Я вспоминаю. Мне хочется смеяться и плакать...

Потому что ничего уже нельзя ни исправить, ни изменить, ни вернуть. Ведь жизнь пишется только набело...

Моя фамилия досталась мне от папы – Иллариона Талызина, и я никогда её не меняла, даже когда вышла замуж за художника Леонида Непомнящего. Вначале я её не очень любила: буква «ы» в середине казалась мне слишком жёсткой. Мне нравились фамилии Стрельская, Раневская. Они звучали очень романтично. Чуть позже я поняла, что папа подарил мне замечательную фамилию. А потом – она редкая, и её обладателя ни с кем не перепутаешь.

Моя дочка Ксения, естественно, была Непомнящей. Мне тогда и в голову не приходило, что еврейская фамилия может как-то навредить ребёнку.

С пяти лет мы готовили Ксюшу к поступлению в Центральную музыкальную школу. Я купила пианино, к нам домой ходил педагог. Но экзамен на подготовительное отделение она провалила. «Как же так? – приставала я к педагогу. – Вы же её так хвалили!» И услышала в ответ: «Мне кажется, это из-за её фамилии...»

Когда мы с мужем расходились, я ему прямо заявила: «Мне ничего от тебя не надо, даже алиментов, вот только работать на твою еврейскую фамилию я не желаю!» Он ответил: «Пожалуйста!» И Ксюша стала Талызиной. Потом она вышла замуж и взяла фамилию своего мужа – Хаирова. А её дочка, моя любимая внучка Настя – Талызина.

Если заглянуть в глубину веков, то можно узнать, что Талызины – известный дворянский род, ведущий своё происхождение от татарского мурзы, которого звали Кучюк Тагалдызин. Он вышел из Орды в 1436 году и приехал в Муром к великому князю Василию Васильевичу (Тёмному). Затем этот мурза в крещении принял имя Иаков, а его фамилия Тагалдызин трансформировалась в более привычный русскому уху вариант.

Есть и другая версия происхождения нашей фамилии. Толзой на Руси называли большую дубину, оглоблю. Значит, кто-то из далёких предков отличался мощным телосложением.

ем.

В советские времена у меня был очень влиятельный одноклассник – Николай Владимирович Талызин, первый заместитель председателя Совмина и одновременно председатель Госплана. Многие думали, что мы с ним родственники и я – его протеже. А мы даже не были знакомы. Когда начались разговоры на эту тему, я не спорила.

Мой тогдашний сосед по дому Яков Голяков (к сожалению, его уже нет) написал книжку «Галопом за усакавшей натурой», и там есть такой эпизод: «Талина фамилия (Яша звал меня Таля) в застойные времена многих, кто с ней общался, с панталыку сбивала – товарищи просили у неё словечко за них замолвить. Считали, что одноклассник, который был на самом большом верху, – её сродственник, а Таля (на то она и народная артистка!) не то чтоб от просьб откровенничала, но умеючи уклонялась, поскольку там у неё, конечно, никого не было. Разубеждать, однако, не хотела – пускай себе думают...»

С Яшкой была гениальная история. Кто-то мне дал две кассеты с американским фильмом, где Аль Пачино сыграл полицейского, которого внедрили в банду убийц-гомосексуалистов. Сначала он отказывался, потому что был натуралом, но всё же ему пришлось выполнить задание. Фильм мне дали только на ночь. Советская действительность!

Так вот, в финале герой Аль Пачино становится гомосексуалистом. Я просмотрела раз, потом ещё раз, но никак не

могла уловить, в какой момент полицейский превращается в гея.

Иду к Яшке, который знал английский, и говорю: «Яша, я не могу понять, когда он переходит эту грань?» Яша ответил: «Пойдём, посмотрим!» И мы с ним пошли ночью смотреть этот фильм про гомосексуалистов. Оба были молодыми, к тому же Яшка отличался такой любвеобильностью... Но мы честно смотрели фильм, и он мне сказал: «Так вот же, у него отец был таким, у него это сидело в крови!» Вроде как у него склонность к гомосексуализму имела наследственные корни и однажды она открылась.

До четырёх часов утра мы смотрели этот фильм. Потом смеялись, что вот дураки: смотрели фильм, а могли бы заниматься чем-то другим...

Его жена Лена работала в «Товарищ кино», очень любила артистов и никогда плохо ни о ком не говорила. Она всех мирила всегда и вообще была потрясающая. Яша, конечно, любил компанию, друзей, женщин и был безумно остроумным. Я с ними дружила. Потом Яша тяжело заболел, что-то случилось с горлом, была операция, вставили трубку...

Я себя помню с двух лет. Мы жили в Омске. У нас была маленькая кухонька и большая квадратная комната. Отец учился в Промышленной академии в Москве, и мы с мамой жили вдвоём.

В тот день мама куда-то ушла. А у нас почему-то собра-

лись гости: мужчины и женщины. Сидели на нашей кухне, узкой и длинной, похожей на пенал и освещаемой одной тусклой лампочкой. Я закрываю глаза и вижу картинку: всё тонет в табачном дыму, видимо, гости курят и очень громко разговаривают. Они шутят, смеются. А я стою рядом за столом, который кажется мне очень высоким, потому что я до него не доставала.

Видимо, мама поручила меня какой-то женщине из числа гостей. На плите варились сибирские пельмени. До сих пор помню этот густой запах. Я стояла у стола и наблюдала, как женщина вытащила из кастрюли горячие пельмени, от которых шёл пар, и поставила на стол. Мне положили на блюде порцию пельменей, обмазанных горчицей. Я их, конечно, хватанула и тут же зашлась в крике, залилась слезами. А взрослые все захохотали, им было весело, что они добились своего. Я эти пельмени уже есть не могла, потому что во рту у меня всё горело. И меня, орущую, куда-то унесли, и потом пришла мама. Только тогда я успокоилась.

Своего деда по отцу я не помню, а мама его – моя бабушка Таня была из ссыльных поляков. Я её не видела, потому что она рано умерла. Она родилась в Семипалатинске. Её звали пани Галицкая. Она была чистая полька. Бабушкин отец был участником Польского восстания. После того как восстание было подавлено, поляков выслали в Казахстан и Западную Сибирь. Дети пани Галицкой – мой отец и его сестра – остались сиротами.

Мама обладала удивительной проницательностью: увидит человека и сразу скажет, что он собой представляет

Мама вышла замуж за папу в Борисовском зерносовхозе. Говорили, что этот совхоз с хибарами барачного типа в тридцатые годы строили американцы, чтобы организовать образцовое хозяйство, которое будет давать рекордное количество пшеницы.

Мама работала в столовой, папа её увидел и влюбился с первого взгляда. Папа был очень красивый мужик – высокий голубоглазый шатен. Бабник, любимец женщин, с невероятной мужской харизмой. Папа имел удивительный подход к женщинам. Он располагал к себе какой-то трогательной наивностью. Может быть, это шло из его сиротского детства, не знаю, но в женщинах он, наверное, будил ещё и материнские чувства.

Папа был старше мамы на десять лет. Когда они встретились, он уже имел семью: жену Улю и дочку. Но папе его семейное положение никогда не мешало. Он был законченный, неисправимый ловелас.

У мамы с папой родился мальчик Лёня, и в три месяца он умер. Я всегда знала, что у меня мог быть старший брат.

Мама почему-то называла моего отца «дурнородый Талызин», хотя все папины женщины, а у него только официальных жён было не меньше трёх, звали его Серёжей. Наверное, он им так представлялся. Возможно, это имя казалось отцу красивым и уж конечно, не таким замысловатым, как Илларион!

Когда папа учился в Промышленной академии в Москве,

он оставался верен себе: закрутил роман с преподавательницей, но всё-таки в Барановичи, куда его направили после выпуска, вызвал законную супругу – мою маму. Подозреваю, что преподавательница отказалась уезжать из Москвы.

И мы с мамой отправились к отцу через полстраны из Омска в Западную Белоруссию. Тогда это называлось «присоединённые земли».

Мы поселились у поляков. Местные ненавидели коммунистическую власть, но свои чувства, естественно, не демонстрировали. Ненависть к Советам приходилось запрячивать как можно глубже, в самые потаённые уголки. Там она тихо тлела, редко прорываясь наружу.

Талызин. И. Г.

В Барановичах папа работал начальником ОРСа, а мама заведовала кассой. Я знаю, что, когда подошли немцы и нам пришлось эвакуироваться, моя честная мама, настоящая комсомолка, ключ от кассы забрала с собой, а деньги не тронула. Тогда никто не мог подумать, что война растянется на целых четыре года. Мама наверняка верила, что немцев отобьют и она вернётся на своё рабочее место. Ей казалось, что всё это ненадолго...

Домики в Барановичах были устроены по типу западных, к каждому прилегал участок. Мы приехали ранней весной и остановились у поляков. Когда родители уходили на работу, я оставалась одна. Наверное, хозяева дома за мной немного присматривали. Однажды я отправилась на разведку. Пошла по нашему участку, заглянула на соседний. Навстречу вышла женщина. Спросила: «Кто ты, откуда?» – «Вот я с того участка». – «Ну, девочка, тогда заходи к нам». Я зашла. «Как тебя зовут? Как твоя фамилия? А, так вы недавно приехали? А что ты умеешь делать?»

Я устроила этим людям целый концерт: пела и танцевала. Они меня угощали чем-то вкусным, я там распушила хвост от похвал. И ещё что-то рассказывала о себе, о жизни в Сибири. Они мной восхищались, говорили: «Какая хорошая девочка». Потом меня проводили на наш участок.

Отец уже пришёл домой. И мама тоже вернулась с работы. Я, видимо, долго гастролировала. И отец сказал: «Ты ходишь по чужим дворам, к евреям». Поставил меня в угол. Я

стояла в углу очень долго. И когда отец выходил из комнаты, я говорила: «Мама, прости меня, я больше не буду!» – «Но тебя же папа поставил в угол!» А почему-то у него я не хотела просить прощения. Упрямо стояла в этом углу, уже надо было спать ложиться, а я всё стояла, показывая характер, и не просила у отца прощения. А к тем людям, моим первым зрителям, я больше не ходила.

В Барановичах папа, естественно, опять влюбился. Его избранницей стала полька Зося, жена белого польского офицера, смазливая, молодая, на пятнадцать лет моложе отца. Думаю, что дело всё-таки было не в возрасте. Скорей всего, виновата папина влюбчивость, а может быть, его польские корни сыграли какую-то роль, но новому чувству он не смог противостоять.

Мама каким-то образом узнала про очередное увлечение своего благоверного. Наверное, ей кто-то рассказал, мир не без добрых людей, а может быть, отец сам признался, но сцена, которая случилась на моих глазах, врезалась в память на всю жизнь, хотя я была совсем маленькой четырехлётней девочкой: отец стоит на коленях, хватаясь за мамины ноги, и громко умоляет: «Ну, сделай так, чтобы я не пошёл к ней!» Но мама, гордая сибирячка, удерживать мужа не стала, отпустила на все четыре стороны. И как ни трудно ей пришлось впоследствии одной, она, по-моему, ни разу не пожалела о том, что не боролась за мужа и дала ему вольную...

Великая Отечественная война началась, когда мне было

шесть лет. Войну мы ощутили буквально на второй день. Слишком близко она подошла. Нам надо было срочно эвакуироваться, потому что семью коммуниста немцы не пощадили бы. Я помню, как поляки сидели как приклеенные к радиорепродуктору и слушали речь Гитлера. Может быть, они понимали немецкий язык, а может – нет.

Мой отец ушёл к своей польке день или два назад, а возможно, даже в этот день, и мы с мамой остались одни. Железнодорожный узел был уже разбомблен, и мама бегала и искала машину или какую-нибудь подводку, чтобы эвакуироваться. Тогда, в моём детском возрасте, я, конечно, не понимала, что это было безумно трудно. И она ничего не нашла.

Мама вернулась ни с чем, а я сидела и слушала речь Гитлера из репродуктора вместе с поляками. Мама пришла и сказала: «Всё, я не нашла ничего». Она была смертельно усталая, в каком-то отчаянии. «Я остаюсь, – повторила мама, обращаясь к полякам. Что вам будет, то пусть и мне будет». И тогда поляки ответили: «Пани, мы вам должны сказать, что вам и нам будет разное. Немедленно уезжайте, бегите, ищите подводку, любой транспорт и скорее уезжайте отсюда, потому что вас ждёт другая участь».

Если бы они нас не предупредили, мы бы, наверное, остались в Барановичах и нашли бы там свою смерть. Потом мы узнали, что на следующий день там расстреляли всех жён и детей комиссаров на главной площади города. Мы чудом спаслись, нас с мамой успели эвакуировать в Сибирь к её

сестре.

А тогда мама опять побежала искать машину. Не знаю, сколько времени она отсутствовала: час, два или три, но потом она нашла полуторку. Машина стояла возле дома. Мама спешно покидала что-то в чемодан, какие-то вещи из числа самых необходимых, схватила меня, видимо, взяла какую-то еду в дорогу, мы сели в полуторку и поехали.

Как-то миновали линию фронта. В полуторке были мамыны сослуживцы. Мама – с этим ключом от кассы. Военные уже понимали, что происходит, они выходили из леса и кричали матом (мама мне закрывала голову и уши, чтобы я ничего не слышала): «Отдайте нам полуторку, нам нужен этот транспорт!» В машине были всего двое детей: я и ещё какой-то мальчик. И всякий раз, когда военные тормозили нашу несчастную полуторку, взрослые брали нас на вытянутые руки и говорили: «У нас дети!» Военные отвечали: «Чёрт с вами!» – и мы проезжали.

Мы приехали в Горки, и там нас бомбили, мы выпрыгивали из кузова, падали на землю. Помню, меня как-то прикрыл шофёр. Поразительно, но спустя годы, когда я уже стала актрисой, мне пришло письмо от этого человека, в котором он рассказывал, как всё это было. Конечно, я ему написала благодарственное письмо и, кажется, послала небольшие деньги.

В Горках мы сели на поезд. Ехали в теплушках. Там было много семей. Мы с мамой спали на полу, а столом нам

служил чемоданчик. Сколько семей было в теплушке, я не помню, но там, что называется, плюнуть было некуда. Везде сидели, лежали люди. Женщины, дети, старики. Из Белоруссии до Омска мы ехали целый месяц. И где-то на Урале, на какой-то станции, может, это был Свердловск или какой-то другой большой город, людей сортировали, кому куда ехать. Спрашивали: «Куда вы хотите?» И мама сказала, что у неё есть в Омской области сестра. «Вот к сестре и поезжайте!»

Нас посадили в другой поезд, и мы поехали в Сибирь. Я совсем не помню, чем мы питались в дороге. Почему-то этот момент стёрся из памяти. Но в памяти почему-то осталось, как мама на каждой станции вместе с другими женщинами из нашей теплушки бегала за кипятком.

Однажды они отстали от поезда. Я сидела на своей «кровати» и думала, что плакать бесполезно. Плачь – не плачь, а слезами маму не вернёшь. Сегодня мне самой странно, что я в шесть лет уже была такой рассудительной девочкой.

Мне 4 года. Уже серьёзно смотрю на жизнь

Потом мама мне рассказала, что все отставшие женщины пошли к коменданту и устроили крик, что дети уехали, а они здесь... Их посадили на другой поезд, а наш остановили, и мама вошла в нашу теплушку уже через четыре-пять часов, уже к вечеру... Она спросила: «А ты плакала, Валя?» – «Нет, не плакала. Я подумала, а чего плакать-то, разве этим делу поможешь?..» – Мама улыбнулась: «Какая ты умная у меня!» И я удивилась, что она так сказала.

Мы приехали к тётё Кате. У тётё Кати не было своих детей, её мужа звали дядя Вася, их фамилия была Гречинские. Дядя Вася был из деревни Бугаёвки, куда переселились украинцы по реформе Витте. Тётя Катя была чистая украинка, очень трогательная. Такая тихая, скромная, ласковая женщина.

Мама сразу пошла работать, и когда её не было дома, я оставалась с тётёй Катей. Она всегда готовила какую-то украинскую еду: варенички, борщик. Вареники были с творогом или с картошкой.

Тётя Катя оставила глубокий след в моей жизни, я часто о ней думаю.

Я никогда никому не рассказывала, как мы жили в войну. Мы хлебнули лиха, как все. Но это было время моего детства, а в детстве всегда много красок.

Часто вспоминаю мою первую учительницу в сельской школе Борисовского зерносовхоза. Софья Марковна казалась мне феей из сказки: высокая грудь, осиная талия, огромные голубые глаза и толстая пшеничная коса. Как эта женщина попала в Сибирь – бог весть... На меня она обратила внимание во втором классе, когда я заявила, что прочитала всего «Евгения Онегина». «Ну, расскажи, пожалуйста, о чём там говорится», – не поверила Софья Марковна. Я прилежно пересказала сюжет. «Может быть, тебе было жаль кого-то из героев?» – допытывалась учительница. И я призналась, что плакала над судьбой Татьяны Лариной.

Софья Марковна жила в таком же бараке, как и мы с мамой: веранда, комнатки и санузел. Мы были соседями. Учительница приглашала меня в гости, и я с удовольствием к ней ходила. Взбиралась обычно на огромную печку, напротив на стульях рассаживались «зрители» – сама Софья Марковна, её мама, ещё человека четыре, и я самозабвенно читала им сказки Пушкина. Декламация – мой любимый жанр, а тогда были первые опыты чтения стихов на публике.

Очень серьёзная девочка. Пионерка

Мальчишки из моего класса, предводительствуемые Васькой Щербаком, пронюхали, что я бываю у Софьи Марковны, и решили «ябеду» проучить. Они не знали, что я хожу к учительнице читать стихи, а вовсе не ябедничать. Подстерегли меня втроём у засыпанного снегом котлована и побили. Падая, я полетела в эту снежную пропасть. Думала, что никогда не выберусь оттуда.

Вся залепленная снегом, с разными зрачками: один больше, другой меньше, я предстала перед потрясённой мамой. Боли я не чувствовала, только страх и унижение. Смертельная обида на Ваську долго бредила мою душу. Даже когда после первого курса театрального института я приехала к маме на каникулы – без пяти минут артистка – и встретила Ваську, почувствовала, что та ненависть никуда не делась...

Мы с мамой держали корову. По-другому нам в войну было не выжить. Мама получала крошечную зарплату, алиментов от отца мы не видели, и молоко, конечно, спасало от голода.

Нашу первую кормилицу звали Зойка. Потом появилась Динка, немножко сумасшедшая. А Зойка была совсем другая. Серая, очень симпатичная, с мирным характером. Она хорошо доилась.

Сибирь, класс где-то 6–7-й

Мама водила Зойку на водопой. Обычно на водопой водят лошадей, а тут корова. Но я не оговорилась. Всё было именно так.

В Борисовском зерносовхозе, примерно в полутора километрах от нас, находился котлован, где брали воду. Вода у нас была на вес золота. Питьевую воду привозили в бочке и продавали. Стоила она дёшево, ведро обходилось, наверное, в копейку, но всё равно приходилось платить. Мы наливали эту воду в какую-то бочку и очень бережно расходовали. Сначала чистой водой мыли голову, затем тело, потом стирали в той же воде, затем мыли ею пол. И в конце концов она становилась маслянистая, тяжёлая, чёрная. Но ни капли не пропадало! Это бережное отношение к воде у меня сохранилось надолго. Когда уже в Москве, в общежитии ГИТИСа, до меня доносился звук капающей воды, я всегда вскакивала, опрометью летела в кухню и закрывала кран. Я просто не переносила, чтобы вода текла просто так, в никуда.

В Омской области была сухая почва. Бурили скважины, вода находилась очень глубоко и была жутко жёсткая. Поэтому у всех жителей нашего совхоза были больные желудки. Это осталось на всю жизнь. Качали воду очень редко.

А скотину водили на водопой к котловану хотя бы один раз в день. Я помню, что стоял уже ноябрь и выпал первый снег, белый, пушистый. Так много тогда намело. И мама по этому снегу повела Зойку на водопой. Идти было не близко, и мама выбрала какую-то другую тропинку, чтобы сократить путь, и провалилась вместе с коровой в какой-то старый колодец. Снег улёгся, и колодца не было видно, никто не поставил никакой знак. Но так как сруб колодца был неболь-

шой, то корова провалилась не полностью, а только передними ногами.

Мама поняла, что всё может кончиться очень плачевно. Пока их с коровой найдут, она успеет замёрзнуть. И она сказала себе: «Я хочу ещё пожить!», схватилась за коровьи рога и вытащила себя из этого сруба. Почти как Мюнхгаузен. А корова осталась стоять в колодце, сама она не могла оттуда выбраться. Колодец был, по-моему, полон воды. И корова торчала оттуда – ни туда ни сюда, мама с ней ничего не могла поделать.

Мама побежала в совхоз, каких-то мужиков попросила помочь. То ли они приехали с лошадыю, то ли ещё с чем, но эту полумёртвую, дрожащую от холода и страха корову вытащили из колодца. Маме сказали, что если ей не удастся отогреть корову, та заболит и помрёт. Сарай, где стояла Зойка, был холодный. И мама привела её в нашу комнату греться. Сколько была корова в нашей комнате, я не помню, но, по-моему, несколько дней мы прожили вместе с нашей кормилицей.

А потом каждый раз, когда корова телилась, всех телят мы притаскивали в эту комнату. У них ножки расползались, они ещё не вставали как следует. Мама держала новорождённых телят в нашей комнате у печки, чтобы они были в тепле.

Однажды жарким июльским днём маме дали лошадь и телегу – привезти копну сена на зиму нашей корове. Такое счастье выпадало всего один раз в сезон. И конечно, шанс надо

было использовать. Мы взяли вилы и поехали. Мама загрузила подводу слоями сена, а я, восьмилетняя девочка, полезла наверх, чтобы аккуратно укладывать сено рамкой по периметру, дабы оно не рассыпалось.

Мама подавала снизу, а я наверху пыталась утоптать сено. Жара стояла страшная. И я смертельно устала. Казалось, что вилы были налиты свинцом. У меня никак не получалась эта рамка. И мама на меня кричала. Боже мой, как она кричала! Она хотела уже сама взобраться наверх, но подвода была полнѐхонька, и бедной маме оставалось только кричать на меня, такую неприспособленную. Всё-таки мы уложились в те два часа, на которые нам выделили лошадь.

Начинаю вспоминать эту нашу жизнь в сибирском совхозе, и такие картины встают перед глазами... Когда мы копали картошку и если, не дай бог, стояла дождливая погода – это был ужас. В Сибири не бывает долгой тёплой осени, там сразу становится холодно. И весь урожай картошки, мешков тридцать, наверное, мы засыпали в нашу многострадальную комнату. Укладывали её горкой от стены до печки – казалось, что вся комната была в этих клубнях. И мы жили примерно месяц с этой картошкой. От неё шёл такой специфический земляной запах... У меня были грязные тетради, пачкалась одежда – от картошки некуда было деться. Мама приходила с работы и начинала её сортировать: мелкую в одну сторону, крупную – в другую и только потом спускала её в погреб. Это всё было, конечно, только в войну. В мирной

жизни такого кошмара уже не было.

Жили мы очень скромно, питались однообразно. На столе были картошка, обязательно помидоры, но не красные, а зелёные. Они не успевали вызреть в короткое сибирское лето, их клали в бочку для засолки. И ещё в нашем меню значились огурцы. Естественно, иногда ели какое-то мясо. Больше никакой еды я не помню. Ни каш, ни фруктов я не знала.

Всплывает ещё одно детское воспоминание той поры. Я заболела, у меня была высокая температура. Мама меня положила на кровать, поставила стакан воды и блюдечко с вареньем из чёрной смородины. Я лежала целый день с температурой и ела деликатес – варенье.

Это была война моего детства. И мама, моя бедная мама, которая работала от зари и до зари...

Откуда у нас с мамой появилась эта кошка? Наверное, кто-нибудь принёс, а мама пожалела и оставила. Кошка была абсолютно непрезентабельная, самая обыкновенная. У неё даже имени не было. Кошка и кошка. Серая, гладкошерстная, в каких-то разводах и с длинным, тонким, как ниточка, хвостом. Она была похожа на вязаный шерстяной носок.

Не знаю, конечно, как сейчас, но тогда в Сибири гулять зимой было как-то не принято. Дойдёшь до школы и возвращаешься обратно. Мороз! Мама уходила с утра на работу, и до самого вечера я оставалась одна с этой кошкой. Она была моя подружка. Каким-то образом кошка умудрялась сбегать,

чтобы встретиться с котом. Она рожала два раза в год.

В войну мы с мамой жили у Варвары Семёновны, которая пустила нас к себе в квартиру. У неё было две комнаты, одну, маленькую, она отдала нам, а сама с тремя девочками осталась в большой.

Я помню, как мама и Варвара Семёновна готовили что-то очень вкусное. Может быть, они пекли беляши. Из кухни плыл аппетитный запах, а в это время кошка ужасно орала за дверью – рожала. Мне было страшно, я не понимала, что происходит, а мама с Варварой Семёновной говорили: «Ну, ничего, ничего. А как ты думала? Так вот оно и получается». Кошка окотилась и сразу успокоилась и принялась вылизывать своих котят.

Иногда она приносила котят зимой. В доме была горячая печка, они лежали, развалившись на какой-то табуретке, возле печки, и когда они подрастали, я с ними играла в школу. У меня было два урока: физкультура и география. На физкультуре я цепляла котят на свисавшее с кровати покрывало, и они лезли к маме, которая лежала сверху. А на географии я заставляла их «исследовать» нашу двенадцатиметровую комнату. Они всякий раз бежали к маме-кошке.

Когда я стала постарше, то до невозможности полюбила петь. Дурным голосом горланила любые арии. Уже не помню, врала ли я ноты. А кошка, моя верная подружка, была возле меня всегда. Она вскакивала ко мне на колени, поднимала голову и смотрела на этот орущий рот долго-долго. И

я думала: надо же, ей нравится, как я воплю свои арии. А я всё больше оперные любила арии. Кошка сидела, сидела, смотрела, смотрела, а потом делала лапой раз-раз по моему рту, чтобы я прекратила петь. Вот тогда я понимала, что ей это не нравится.

Я помню, как однажды летом я дралась с девочкой, которая была меньше меня. Между прочим, я была не драчливая, а тихая и скромная. А тут мы с этой девочкой почему-то сцепились. Моя кошка, как всегда, находилась рядом. Вдруг она подошла к моей сопернице сзади, прыгнула и укусила её за икру. Та взвизгнула и стала кричать от боли и от шока: она не ожидала, что кошка тоже кинется в бой. Я схватила кошку и похвалила: «Защитница ты моя!» А девочка побежала к матери жаловаться, что моя кошка её покусала.

Так как я жила в совхозе, то умела всё делать: и дрова колоть, и полоть, и картошку сажать, и копать, и доить. Моей обязанностью было давать корове сено, чистить сарай и, конечно, доить. Я очень хорошо доила. Но всё это сельское хозяйство я не любила и пыталась внести в жизнь хоть какое-то разнообразие.

Вторая наша корова Динка была бордовая, молодая и игривая. Я садилась на маленькую скамеечку и доила Динку. Чтобы не скучать, как-то взяла с собой кошку-подружку. Я её положила под вымя и из коровьей сиськи надаивала ей в рот парного молока. Она еле-еле глотала, но была рада и счастлива, что я с ней вожусь и она получает такую вкусную

еду.

Однажды сажу на этой скамеечке одна и дою, и вдруг Динка как подскочит! Она прыгнула куда-то, задела ногами ведро, и я с этой скамеечкой – навзничь, а ведро на меня. Молока, к счастью, было немного, но оно всё вылилось на меня. Полный атас! Я не могла понять, что случилось! Это чудо, что Динка копытами не дала мне в лицо! Она была как сумасшедшая, а я встала вся в молоке и не знала, то ли к ней идти, то ли нет.

Потом соседи мне сказали: «Валя, мы видели кошку, она сидела на дереве». И я тогда поняла, что произошло. Дерево стояло за изгородью, а ветви спускались как раз туда, где я доила Динку. Кошка полезла по ветке и прыгнула корове на спину – она хотела быть ближе к процессу дойки.

Потом я, когда шла доить, стала закрывать кошку, потому что помнила про коровьи копыта у моего лица.

После войны от моего отца, «дурнородого Талызина», как упорно называла его мама, по-прежнему не было никаких вестей. Мама не получала алиментов, ей всё труднее удавалось свести концы с концами. Она работала счетоводом с маленькой зарплатой, растила дочь и не могла даже получать пособие по потере кормильца, так как никакой похоронки на моего отца не получала. Он был жив, но что с ним и как – мама не знала. Она, конечно, его разыскивала, писала везде, но безуспешно: ни письма, ничего...

И кто-то надоумил её обратиться в органы, чтобы отыскать следы неверного мужа: там быстренько найдут жену белого польского офицера! И нашли в одну секунду, буквально в три дня! Маме сообщили, что Илларион Талызин проживает с Зосей в белорусском городе Орше. Мама незамедлительно отправилась туда и подала в суд, чтобы взыскать алименты.

Оттуда она привезла много вещей, и себе, и мне...

Однажды папа с Зосей написали мне письмо, чтобы я к ним приехала. Ответила я достаточно резко: «Где ж ты, папа, был до сих пор, пока мы с мамой мучились?» Наверное, моё письмо получилось очень красноречивым и резким, потому что папа мне даже ничего не написал в ответ.

Мы встретились с отцом лишь через двадцать лет, когда я уже была студенткой ГИТИСа. Он нашёл меня в Москве. Это был, конечно, шок. Папа стоял в дверях, подпирая косяк, грустный, неуверенный, смущённый. Я смотрела на него во все глаза и думала: «Господи, это мой папа!» Все обиды мои разом улетучились, и я повисла на отцовской шее, как маленькая девочка. «Валя, Валечка, – приговаривал он, – может, пойдём куда-нибудь покушать?»

Предложение мне понравилось, к тому же возобновлять и, кстати, прерывать отношения почему-то легче на нейтральной территории. «Пиши мне, а то грустно!» – на прощание попросил папа. С того момента он начал присылать мне немножко денег. Я ему писала редко. Иногда письма, чаще

открытки. Особенно он любил получать открытки, когда я была за границей. Когда я ездила в Париж, обязательно покупала красивую открытку с видом и посылала отцу в Оршу.

Он в Москву редко приезжал. Мы практически не виделись. У каждого из нас была своя жизнь, и, честно говоря, я не думала, что мы с отцом ещё когда-нибудь встретимся. Тем более что я перевезла к себе маму, а она о бывшем супруге и слышать не хотела.

Но когда мне было около 40 лет, я получила известие, что мой папа находится в психиатрической больнице в городе Могилёве, старый, больной, никому не нужный. И забрать его оттуда могла только я, родная дочь, которая носила его фамилию.

Я отправилась туда. Поехала втайне от мамы. Когда потом я рассказала ей всю эпопею с папой, она ответила в сердцах: «Да я бы легла у порога, но не пустила бы тебя. Тебе пришлось бы через меня переступить!» Такую обиду он ей нанёс. Она ведь его так и не простила.

И никогда не называла папу по имени, только «дурнородым Талызиным». У мамы не было другого мужчины, кроме папы, ни до, ни после.

Поэтому я сначала совершенно не представляла, куда отвезти отца. Мама прямо заявила: «Если ты его сюда привезёшь, я выброшусь из окна!» Я понимала, что она не шутит: одиннадцатый этаж! Мне пришлось написать в Омск папиной сестре тёте Лине: «Вы примете моего отца?» Она отве-

тила: «Да, конечно, приму!»

...Главврач психиатрической больницы протянул мне руку и представился: «Главный сумасшедший!» Юмор я оценила. «Вы можете его забрать, – сказал доктор, – потому что у вас одна фамилия». Я спросила: «А что с отцом? У него психическое заболевание?» – «Нет, обыкновенное старческое слабоумие – деменция. Он у нас уже три месяца, и, знаете, его никто не навестил, а у него ведь семья: жена и двое детей».

Папа сказал: «Валя, ты понимаешь, мне надо в Брест, к Зосе. У меня там вещи». Мне кажется, что, несмотря на свой диагноз, он сознавал, что ни Зосе, ни детям он не нужен. Я ответила: «Папа, надо так надо!» И мы отправились в Брест.

Не знаю, какой была Зося в её молодую пору, когда папа, не посмотрев на её прошлое с белым офицером, ради любви к ней оставил семью и на годы позабыл меня, родную дочь, но я увидела пожилую, довольно полную женщину, ухоженную. Сказать, что она встретила моего больного отца неприветливо, – это не сказать ничего! Между ними пролетали искры какой-то жгучей ненависти. А я находилась в зоне этого высокого напряжения и смотрела на женщину, которая принесла нам столько горя.

Она бросала какие-то вещи, отец собирал. Я стояла как в столбняке. Не помогала. Зося сказала мне: «Да, вы можете его взять. Он ещё может быть у вас сторожем на даче». Потом помолчала и приготовилась произнести ещё одну фразу:

«Ваша мама...» Я её перебила: «Моя мама не примет его, он ведь вас предпочёл, а маму оставил!» Мне казалось, что в эти слова я вложила все свои обиды за мамину разбитую жизнь.

Наконец мы забрали вещи и отправились на вокзал. Папа поехал в Омск к сестре. Там он не скучал. Нашёл себе старушку, которая говорила: «Я так люблю Серёжу!»

Потом, когда у меня родилась Ксюша, мама повезла её в Сибирь – показать, где она жила, повидать родню. И мои родители снова встретились, а Ксюша увидела своего дедушку – в первый и в последний раз. Папа сказал маме одну фразу: «Вот тогда мы друг друга не понимали и сейчас не понимаем...»

У него была другая жена, на которой он женился уже в почтенном возрасте, в возрасте, приближающемся к восьмидесяти. Его избранница тоже оказалась пожилой женщиной. Называла его, как и все остальные, Серёжей. «Я не знаю, почему она вышла за меня. Машинка-то уже не работает!» – признался мне как-то папа. Эта жена, для которой «машинка» определяющей роли не играла, и хоронила папу.

О смерти отца мне сообщили родственники. Позвонила двоюродная сестра: «Мы без тебя хоронить не будем, прилетай!» Я сразу взяла билет на ночной рейс Москва – Омск. Лететь надо было после спектакля. В тот день я играла главную роль в спектакле, который шёл на малой сцене нашего театра, и пела песню из «Серенады Солнечной долины».

Так вышло, что я своего отца почти не знала. Всё моё дет-

ство и юность – это мама. Но всё равно известие о смерти папы меня оглушило. На душе было очень тяжело. В театре все, конечно, знали о моей ситуации. Ко мне бросился второй режиссёр, но я его остановила: «Пожалуйста, ничего не говорите! Ради бога, не надо меня утешать, а то я сейчас разревусь. Я должна отыграть спектакль».

Я успела на папины похороны. На поминках меня просили что-то сказать. И я сказала, что он был красивый мужчина, что его любили женщины и он их тоже любил, а детьми не очень интересовался.

Папины дети от Зоси – мои сводные брат и сестра – пытались наладить какие-то отношения со мной, но как-то не сложилось.

А мама больше не вышла замуж. Был какой-то мужчина, который делал ей предложение, но она отказалась. Получается, что свою жизнь она посвятила мне, своей единственной дочери.

У моей мамы, Анастасии Трифоновны, характер был, конечно, непростой. Я бы сказала жёсткий. Она – коренная сибирячка, родилась в Сибири. А её старшая сестра, тётя Катя, которую я всегда очень любила, появилась на свет на Украине.

Мамины родители в 1906 году по аграрной реформе Витте уехали из Полтавской губернии в Сибирь. И они ещё захватили своих родителей. Деревня, в которой они поселились,

называлась Бугаёвка. Я помню эту деревню и хату с земляным полом. Однажды мы приехали туда из своего совхоза, и собралась вся украинская родня...

Когда у меня был юбилей (не будем уточнять, сколько мне исполнилось), на Украине решили снять обо мне документальный фильм. И тут меня озарило: а что, если в Полтавской губернии, откуда родом мои бабушка и дедушка, тоже есть деревня Бугаёвка? Меня просто как молнией ударило! Ведь украинцы, построив в Сибири деревню, могли назвать её Бугаёвкой в память о милой родине! О своих предположениях я и рассказала приятелю, киевскому журналисту, редактору газеты Диме Гордону. И буквально через день он говорит: «Валь, в Полтавской губернии действительно есть деревня Бугаёвка!»

И мы поехали туда. Мы сделали не один, а два фильма, они имели большой успех на Украине. Когда я недавно кого-то провожала на Украину, подошёл какой-то пьяный, среднего возраста и говорит: «Валюша, дай я тебя расцелую...» Я поняла, что он видел этот фильм.

Поездка в Бугаёвку оказалась потрясающей. Режиссёр Володя, голубоглазый, высокий украинец, такой парубок, четыре часа ставил мизансцену. А Дима сказал, что там меня ждёт сюрприз. Когда мы подъехали к площади, грянул хор! Все в украинских национальных одеждах! И эти мелодичные песни! Что я почувствовала в тот момент – не передать словами. У меня брызнули слёзы, я ничего не могла с собой по-

делать!

Потом мы пошли в клуб. Не могу сказать, что зал был битком, но люди пришли. И я со слезами на глазах рассказывала про бабушку и дедушку, про маму. Они все носили фамилию Дуля. Кстати, «дуля» по-украински – груша, а не то, что вы подумали.

И вдруг подошла одна женщина и сказала: «А вы знаете, моя бабушка помнит ваше семейство по фамилии Дуля. Они были зажиточные, в то же время очень скромные, интеллигентные и музыкальные. Они все играли на инструментах, пели». Вот такой неожиданный привет я получила с малой родины моих предков.

В этом селе сохранилась какая-то маленькая избёнка с крохотным сарайчиком. Я лазала там по репейникам, меня ребята снимали, и я рассказывала: «Да, вот такая хатка была, наверное, у моих родственников».

Потом они накрыли колоссальный стол. Дима мне рассказывал, что они с ним совещались: «Как ты думаешь, Валентина Илларионовна не обидится, если мы не будем делать этот салат с майонезом?» Он ответил: «Да конечно нет». Стол был потрясающий. И когда Дима сказал: «Ребята, давайте я вам заплачу!» – они ответили: «Да ты шо! За шо платить, если всё наше, со своего огорода?»

Для меня Бугаёвка – это ещё и дядя Ваня, мамин старший брат. В сорок втором году он при мне уходил на фронт. Поставил всех своих четверых детей и меня на скамейку и

с каждым прощался. Я тоже обхватила его шею, потому что отца я почти не помнила. Я так сильно прижалась к дяде Ване, что ему даже пришлось меня отрывать от себя.

Два маминых брата погибли, оставив шестерых детей. А дядя Ваня вернулся живой-невредимый и даже, по-моему, неконтуженный. И он стал главой всего нашего бабского клана. Не то чтобы он как-то особенно помогал, нет, но ощущение надёжного мужского плеча, конечно, было.

Началась послевоенная жизнь. Она делилась на колхозную и совхозную. В колхозе работали за трудодни и жили в полной нищете, а в совхозе всё-таки была реальная зарплата и можно было хоть как-то свести концы с концами. Тоже не бог весть что, но хоть что-то. И вдруг какой-то знакомый предложил дяде Ване бросить колхоз и перебраться на новое место. Он говорил: «Что ты пропадаешь в этой Бугаёвке? У нас ты будешь бригадиром!» И дядя Ваня бросил колхоз, оставил хату и с женой и четырьмя детьми уехал в новую жизнь. Но мужик, который его сманил, оказался не на высоте.

Не знаю, что там случилось: то ли дяде Ване не дали обещанной работы, то ли поселили в одну комнату – что-то пошло не так. И однажды приезжает человек оттуда к маме и спрашивает: «Анастасия Трифоновна, вы не знаете, где Иван Трифонович?» – «Как где? У себя дома!» – «Его там нет. Неделя, как пропал». И у мамы почему-то вырвалось: «Ну, если он что-то с собой сделал!..» Она знала его проблемы.

Ещё через неделю дядю Ваню обнаружили в одном из заброшенных колодцев. Это был, конечно, ужас. Человек прошёл войну, но не выдержал мелких бытовых обид и, главное, подлости.

Мама не взяла меня на похороны, пожалела. Сказала: «Делать тебе там нечего!» – и уехала, а я страшно переживала. Ушёл из нашей семьи последний мужчина.

Дядя Ваня был очень добрый. Помню, как однажды зимой он привёз мне замёрзшее яблоко, которое я оттаивала на печке. И вдруг мне снится сон. Фантастический зелёный сад, полный этих яблок. И какие-то мужчины в белых рубашках и штанах стоят на лесенках и собирают яблоки в большие плетёные корзины. Наверное, такие были на Украине. У нас в Сибири я таких не помню. Я стою у входа в сад, и подходит дядя Ваня. Я говорю: «Как у вас здесь красиво!» – «Ну, приходи к нам!» И тут я проснулась и спросила маму: «Мам, а в чём похоронили дядю Ваню?» – «По традиции всех утопленников хоронят в белом...»

Мама меня безумно любила. И я маму очень любила. Она ушла в 77 лет в Москве. И не было дня, чтобы я её не вспоминала: её лицо, её интонации. Последние годы мама жила со мной.

Меня часто спрашивают, почему я больше не вышла замуж после развода с мужем. Конечно, у меня были поклонники и я не раз могла устроить свою жизнь. Но я всегда понимала, что как бы я ни относилась к мужчине, мне не удаст-

ся ввести его в нашу семью. Это было невозможно из-за мамы и Ксюши. Но больше всё-таки из-за мамы. Она бы никого не приняла.

У неё был очень сильный характер. Мама приехала в Москву в 1960 году, когда я жила в подвале. Она поступила работать, всё было нормально. Когда я родила Ксюшу, мама приехала меня навестить где-то через месяц. Зашла в комнату и села... Я говорю: «Мам, ну ты пойди посмотри внучку...» – «А я не люблю детей в таком возрасте», – сказала она. При этом мама была директором яслей. А ей нравились дети постарше. Она посмотрела на маленькую Ксюшу и сказала: «Ну, ничего!»

Когда Ксюша была совсем крохой, мама мне не помогала. Она жила в той комнате, которую мне дал театр, отдельно от нас с мужем. Потом мама уже не работала, но помощи от неё не было, даже не знаю почему. Я делала всё сама. Но когда Ксюше был год и два месяца и встал вопрос, на кого оставить ребёнка, потому что мне предстояли гастроли, мама сказала: «Я возьму!» Она её забрала совсем. Я понимала, что отдаю своего любимого ребёнка, которого я родила, которого так долго ждала. Но я знала, что для мамы это будет смысл жизни. И я отдала Ксюшу. Она была с мамой года три, и потом мы с мужем въехали в её кооперативную квартиру в центре города. Мы стали обустраиваться. Я покупала какую-то мебель, кровати – обыкновенный советский вариант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.